

1

Услышав суетливое шарканье и громкое дыхание, София подняла голову, откинув руками длинные волосы. Челка мешала, она убрала ее со лба, но обзор загораживали стеллажи посередине, которые привезли позавчера. Поставить поставили, а не прикрепили к полу, решив сделать это в выходной. А потом загрузили книгами, мол, сойдет и так, все равно никому не под силу их сдвинуть, да и незачем. Хрупкую фигурку Софии среди цветных корешков да еще на стуле в углу трудно было заметить, и она встала, чтобы показаться покупателю, которому, возможно, понадобится помощь. Письма, которые София читала, посыпались на пол, она быстро их собрала и уложила на стул, затем выглянула из-за стеллажа.

Молодой сухощавый мужчина в очках, в приличном костюме странно прижался спиной к полкам у стены и панически озирался, словно загнанный в угол зверек. Увидел Софию. Она хотела спросить, чем ему помочь, как кто-то вбежал в отдел. Это был парень — весь красный, потный, большой, с коротко стриженными черными волосами. И вдруг...

София вытаращила глаза: парень налетел на мужчину, придавил его всем телом. Как вообще не задавил интеллигента? Даже при тусклом искусственном освещении — здание старое, окна в книжном лабиринте не везде есть — Софии были видны струйки пота, катившиеся по вискам обоих.

Все понятно: один убежал, второй догнал. Очкарик то ли стонал, то ли кряхтел — еще бы, такая туша придавила его! А парень из-за пояса вынул... пистолет и приставил его к лицу очкарика, уперев дуло в щеку.

— Попался, сволочь! — прошипел он возбужденно и даже хохотнул.

Ну точно — бандит, браток, по роже видно. И сейчас пристрелит прямо здесь очкарика.

Кто толкнул Софию? Если бы она тогда подумала... Но она ни о чем не думала, когда схватила с полки фолиант весом килограмма четыре и на цыпочках подкрадывалась к бандиту.

— Все, гад, спета твоя песенка! — торжествовал тот. — Не дергаться! Пристрелю, козел, рука не дрогнет! — И пистолетом давил в щеку жертве.

Да кто там дергался! Бедняга дышать не мог, поси-
нел от недостачи воздуха.

София подкрадывалась к бандиту сзади... Очкарик смотрел на нее с мольбой и надеждой. Она приложила палец к губам. А бандитская морда замешкалась — ему было неудобно что-то достать левой рукой из заднего кармана джинсов. Этих секунд оказалось вполне достаточно, чтобы София замахнулась и со всей силы огрела его по голове фолиантом. Красно-рожий замер. Девушка ждала, когда тот упадет, а он все не падал. Очкарик мигом сообразил — есть способ спастись. И с ревом оттолкнул бандита. Да как! Нападавший взмахнул руками и полетел назад вместе с пистолетом. Его тело врезалось в Софию, вдвоем они завалились на стеллажи. Незакрепленные полки начали падать, попали на второй стеллаж...

— А! — вскрикнула София, чувствуя, как валится вместе с книгами и вооруженным бандитом.

Раздался невероятный грохот — оба стеллажа рухнули. София и бандит очутились на стеллажах и в груди книг. Больно ударившись о железные полки,

6 она услышала топот ног — значит, бедняге уда-

лось спастись. И даже мысли не мелькнуло: а ей-то чем грозит спасение совершенно незнакомого человека, когда рядом вооруженный браток? Самое ужасное — он так и не потерял сознание, как она надеялась (крепкая же у него голова!), а заерзал. Не успела София опомниться и позвать на помощь, бандит уже навис над ней, придавив своим весом. Просто лег на нее! Свирепая рожа. Свирепое дыхание. Скосила глаза — его рука с пистолетом увязла где-то в книжках. София снова уставилась на бандита со страхом. Ей показалось, он сейчас искушает ее, так как привстал на четвереньки. Руки были заняты, а девушка находилась между его руками и ногами, у него остались только зубы.

— Идиотка! — прорычал краснорожий зло, и София зажмурилась.

Он вскочил. Раздался топот. Убежал?! Не прибил ее?!

— Что здесь происходит? — Теперь это был голос начальницы.

«Ну, раз бандит не прибил, сейчас его оплошность исправит заведующая», — подумала София, пытаясь подняться. Это оказалось сложно — книги расползались, она, как каракатица, ползала по ним и падала, ползала и...

После работы она не домой поехала, а к отцу. Тот слегка удивился, однако был рад, хотя внешне своих чувств никак не проявил. Папа вообще человек сдержанный и относится к тем мужчинам, которые с возрастом становятся лучше и лучше. В свои шестьдесят четыре он красив, как... как... Красив, и все.

София прошла в комнату, забралась на диван с ногами, натянула на колени юбку.

— Неважно выглядишь, — заметил папа и догадался: — У тебя неприятности.

— У кого их нет... — хмыкнула она. — Пап, есть хочу.

— Сейчас разогрею котлеты.

— Холодные неси, — махнула рукой она.

Большая квартира отца — антикварный склад, где много раритетных вещей, которые он собирал всю жизнь. Одновременно папа аккуратист, к тому же у него отличный вкус, поэтому эклектика интерьера выглядела оригинальностью. Но София была равнодушна к раритетам и семейным реликвиям. Не в папу уродилась.

Поедая холодные котлеты с хлебом, она поинтересовалась:

— Кто приготовил? Верхняя?

Красавца-отца обхаживают две соседки: одна — живущая выше этажом, а другая — ниже. Обе не нравятся Софии, но папе она об этом ни слова не говорила, потому что... На все есть причины. Такое ощущение (по ее мнению), что жизнь состоит из ошибок и их последствий, других причинно-следственных явлений просто не бывает. Какое же она имеет право высказывать отцу личное мнение, когда в свое время к его мнению не прислушалась?

— Мне не нравится твое настроение, — сказал Арсений Александрович. Он пил чай, чтобы составить дочери компанию.

— И мне не нравится, — вздохнула она, но делиться причинами не стала.

— Прочла? — спросил он, тактично уйдя от темы.

— Не все. Больше половины. Знаешь, я бы не хотела, чтобы в будущем кто-то читал мои письма, даже если в них нет интимных вещей.

— А как тебе мое предложение?

София соединила брови, пожала плечами:

— Заманчивая идея...

— В конце фразы ты не поставила точку, — заметил папа. — Значит, у тебя есть возражения. Трусишь?

— Считаешь, я справлюсь?

— У тебя, Софи (он называл ее на французский манер), уверенное перо...

— Было когда-то, — вставила она.

— То, что человек умеет, никогда не пропадает, только засыпает, — возразил Арсений Александрович. — Главное, есть идея... сюжет.

— Папа, а почему ты сам не хочешь попробовать?

— Видишь ли, я остался в прошлом веке, мысли у меня прошлые, слог устарел. А писать надо современным языком, но учитывая особенности тогдашнего стиля. Впрочем, у меня нет главного — таланта, а графоманом я не хочу быть.

— Один ты считаешь меня талантливой, умной и красивой, — скорбно вздохнула София.

— Ну, дорогая, — рассмеялся отец, — гадость всегда найдется кому сказать. Ты себя недооцениваешь, дочь. У тебя прекрасная фигура, волосы, лицо... которое портит выражение уныния. Я хочу, чтобы ты проснулась. Вот тогда ты увидишь, что все так, как я говорю. Кстати, хочу сделать тебе подарок...

Он ушел в другую комнату, вернулся с большой коробкой. София округлила глаза:

— Что это? — Вдруг увидела надпись, подскочила. — Ноутбук? Но... у Борьки есть компьютер...

— То у Борьки, а теперь у тебя будет свой, персональный. Мне его отладили, он готов к работе. Держи.

София достала ноутбук из коробки, погладила по крышке, приподняла ее. На глаза навернулись слезы. Не потому, что подарок дорогой, муж в состоянии купить сто ноутбуков, а потому, что на свете есть только один человек, который любит ее безвозмездно и ценит, несмотря ни на что, — папа. Но компьютер не просто подарок, а настойчивое требование применить его.

— Боюсь, у меня не хватит знаний, — смутилась София.

Для папы же не было ничего невозможного, поэтому он с дочерью не согласился:

— Есть память поколений, интуиция, а книги помогут пополнить недостающие знания. Это немало.

— Ты самый лучший! — прижалась она к нему, сдерживая слезы. — А я плохая дочь.

— Не горюй, — обнял ее за плечи Арсений Александрович. — Кстати, кажется, твой звонит...

Да, мелодия Бориса. Нехотя София поднесла трубку к уху:

— Я у папы. Если есть желание, забери меня. — Опустив руку с трубкой, она пробубнила с огорчением: — У него есть желание.

Чмокнув дочь в висок, папа стеснительно попросил:

— Сделай так, чтобы он не заходил сюда.

— Не переживай, не зайдет. Думаешь, Борька тупой и не чувствует твоего отношения?

Так они и сидели, обнявшись, как два одиночества, случайно встретившихся на короткий миг. Сидели до второго звонка Бориса, которым он сообщил, что приехал. София уложила ноутбук в коробку, обхватила ее руками и направилась к выходу, ворча себе под нос:

— Все не так. Знаю, что не так, а ничего не меняю, даже не пытаюсь. Потому что боюсь что-либо изменить.

— Софи, никогда не поздно начинать, — услышал ее слова Арсений Александрович. — Если мне не веришь, поверь Прусту, который писал: «Я удивился тому, какими беспомощными оказываются наш разум, наш рассудок, наше сердце, когда нам нужно произвести малейшую перемену, развязать один какой-нибудь узел, который потом сама жизнь распутывает с непостижимой легкостью». Начни хотя бы с истории в письмах. Ты только попробуй.

Поцеловав отца, София вышла из квартиры, стала медленно спускаться по лестнице. А ведь идея действительно засела в сознании и не отпускала,

10 особенно когда она читала письма, которым

более ста лет. Но как преподнести эту историю? В каком жанре? Слишком мало основы, ярко выделяется лишь любовная история, а сентиментальность сейчас не в моде. Но и детективная линия просматривается. Правда, слабенько. Детективы-то нынче читают. Во всяком случае, у нее появилась возможность стать от Борьки чуточку независимой. Но повод к детективу мал...

ОНА БЫ НАЧАЛА ТАК

«Принес же черт сестрицу Мишеля», — сетовал про себя Суров. Едва его полк расквартировался, он приехал в усадьбу Уварова, а тот предложил остановиться у него, заодно сэкономить квартирные. Суров согласился, давно ведь не виделись. И вдруг сестра Мишеля! Придется соблюдать этикет, застегиваться на все пуговицы, следить за каждым словом, чтобы невзначай не вылетело армейское выражение, а уж о посиделках до утра и говорить нечего. О женщины! Любят устанавливать порядки сообразно своим представлениям, не считаясь с желаниями мужчин.

Мишель чутко улавливал настроение друга, оттого и убеждал его в обратном:

— Марго тебе понравится, Саша, она проста, умна...

— Разумеется. Жене статского советника быть немной не годится, — сказал тот, сильно хмуря брови.

На него исподволь косились уездные дамы, гулявшие на перроне в ожидании поезда. Ни одна не пропустила подполковника, не проводив его мечтательным взором. И немудрено: он высок, подтянут, плечист, светловолос. И лицом пригож — одни бирюзовые глаза чего стоят! А щегольские усики придавали ему вид ветреника, но Суров сторонился женщин. Обладая всеми достоинствами русского офицера, он несколько скованно чувствовал себя в обществе, посему избегал его. Причина в происхо-

ждении: он, мещанин, начал военную карьеру с низших чинов и успешно продвинулся вверх, проявив доблесть, храбрость и ум.

Раздались короткие гудки, предупреждая зевак, чтобы те не попали под колеса. Паровоз, издавая шипение и выпуская у колес белые пары, а из трубы черный дым, медленно тащил вагоны.

— Мишель! — воскликнул звонкий голос.

Поезд шумно стал. Уваров увидел сестру — миниатюрную и прехорошенькую женщину лет двадцати пяти, стоявшую на подножке, замахал рукой и кинулся к вагону. Помог сойти сестре, они обнялись.

— Как добралась? — спросил Уваров, не выпуская ее из объятий.

— Ужасно, — улыбнулась женщина. — Жара, душно, Митенька капризничал. Маман с папа передают тебе привет и велели отругать, что редко пишешь, негодник.

Уваров расцеловал сестру и принял племянника пяти лет. Следом гордо сошла длинная и тощая гувернантка, потом на перрон спустилась тучная пожилая нянька. Подскочили носильщики, которыми распорядилась горничная Анфиса.

— Позволь тебе представить подполковника Сурова Александра Ивановича. Он любезно согласился разбавить наше общество, пока его полк квартирует в этом городе, — опомнился брат, и тот щелкнул каблуками. Затем Уваров повернулся к другу и сказал: — Моя сестра Марго.

— Наслышана о ваших подвигах, — протянула женщина руку для поцелуя. — Вы отличились в турецкую кампанию, а мой брат, какая жалость, оставил военную карьеру. Позвольте, разве вы, Александр Иванович, не майор?

— В мае, ваше сиятельство, ваш покорный слуга произведен в подполковники, — поцеловав руку, скромно сказал Суров.

— А также жалован дворянским званием, — дополнил Уваров.

— Замечательно! — искренно обрадовалась Марго, будто повышение получил ее муж. — Мы обязательно отметим сие событие!

«Ну, вот, уже распоряжается!» — скис Суров.

Тем временем Уваров с ужасом смотрел, как на перроне растет гряда чемоданов и прочей ручной клади.

— Марго, это все твой багаж?

— Конечно, дорогой. Я взяла самое необходимое.

— Мы не найдем столько носильщиков, — растерялся Уваров. — И коляска одна... Право, не знаю, как быть...

— Я найму извозчиков, — усмехаясь в усы, сказал Суров. Поклонившись даме, он зашагал прочь.

— Ну вот, я не смогу ходить неглиже... — надула губы Марго, глядя ему вслед.

— Думаю, ты поладишь с ним, — успокоил ее брат.

Чемоданы и баулы погрузили в одну коляску горой, извозчик обвязал их веревками, чтобы не потерять. Кофры, сумки, шляпные коробки и мелкие поклажи из узлов, принадлежащих прислуге, уложили в две другие. Няня, Митя и Анфиса сели к извозчику, в экипаже поехали Марго, Уваров и гувернантка, которая держала в руках удочку, сачок для ловли насекомых и зонтик. Суров ехал верхом бок о бок с экипажем. До усадьбы восемнадцать верст, путь долог, он украдкой разглядывал Марго, ведь ему предстояло провести много времени в обществе этой женщины.

Ростом невысока, с девичьим станом, который подчеркивал безупречный дорожный костюм, легка в общении и без жеманства. Лицо ее чуточку удлинено, как у брата, с плавными линиями, а черты, пожалуй, крупные. Кроме носа — он маленький, прямой и заострен. Особенно замечательны в ней улыбка и плутовские глаза, которые словно так и ищут, за что зацепиться да разнести в клочья.

Мишель — ровесник Сурова и полная противоположность сестре, хотя и похож на нее. Он также строен, имеет такие же густые волосы каштанового цвета и зеленоватые глаза, но высок и меланхоличен. А гувернантка, мадемуазель Каролина, невольно вызывала улыбку. Явно старая дева, излишне строга видом, с несгибаемой спиной и бесстрастным выражением некрасивого лица. Черты его грубые, а глаза сонные.

— Как тебе взбрело в голову, Мишель, купить усадьбу в эдакой глуши? — спросила Марго, когда миновали половину пути. — И название не звучит — Озеркино.

— Скоро увидишь, что за чудо вокруг, — заверил Уваров. — Скажи, Саша, я не прав?

— Да, место изумительное, — подтвердил Суров. — Ваш брат обещал отличную охоту. Ваше сиятельство, вы любите охотиться?

— Еще бы! — воскликнула Марго. — Я неплохо стреляю из ружья. И давайте без церемоний, не зовите меня сиятельством, высокородием, статской советницей... Не хочу. Между друзьями не должно быть напыщенностей, а раз вы друг моего Мишеля, то и мой тоже.

— Благодарю вас, сударыня. Мадемуазель Каролина, вы не устали? — решил Суров привлечь к общению гувернантку.

— Подполковник, она же англичанка, ни бельмеса по-русски не понимает, — торопливо сказала Марго и прикрыла рот ладонью. — Простите, я дурно выразилась.

Мадемуазель живо повернула к ней голову на длинной шее и строго отчитала:

— Бельмес, мадам, плохой слова.

— Нет, что-то она все-таки усвоила, — проворчала Марго.

Суров и Уваров расхохотались, получив от гувернантки по осуждающему взгляду. Оставша-

яся часть пути прошла весело и непринужденно, ибо Марго забавно пересказывала последние губернские сплетни.

Попав в Озеркино, она начала бурно восхищаться усадьбой. Великолепный и большой дом из двух этажей, с колоннами и мезонином окружал чудный большой сад, за ним раскинулось кольцо из леса. Конюшня с псарней находились в отдалении, там же птичий двор и сеновал.

Но главный сюрприз ждал Марго, когда гостя вышла на просторную террасу позади дома. Озеро искрилось на солнце, отражая синеву неба и белые кучевые облака, на водной глади покачивались кувшинки. Противоположный берег был далек, однако прекрасно просматривался, воздух прозрачен и чист, с ароматами хвои и трав. От террасы к берегу простиралась лужайка, справа была выстроена купальня, слева, у камышей, имелся причал. А кругом лес.

— Мишель, теперь я понимаю, почему ты сбежал, — сказала Марго.

— Я сбежал, потому что ты хотела женить меня на своей подруге-кривляке, — обнял сестру со спины Уваров.

— Вовсе она не кривляка. А ты невоспитанный человек. Но я люблю тебя. Она вышла замуж за генерала в отставке. Вот!

— Очень рад за нее.

— А вы, подполковник, женаты? — полюбопытствовала Марго.

— Нет-с, сударыня. Я ведь военный, меня могут убить. Не хочу оставлять детей сиротами, а жену вдовой.

— Пожалте обедать, господа, — пригласил подошедший лакей.

Марго вышла замуж хоть и за равного (графа Ростовцева), но выбор ее не назовешь удачным.

Безусловно, «статский советник» звучит вну-